

Николь де Лорес

СКОРОСТЬ ТИШИНЫ

Гонка с собой

ВЕРНУТЬСЯ НА ТРАССУ, ЧТОБЫ НЕ ПОТЕРЯТЬ СЕБЯ.

Николь Лорес

Скорость тишины.

Гонка с собой

<https://litres.ru/74108331>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она встала на ноги, но разучилась дышать. Регина ходит, однако дома ее накрывает новая волна ада: ПТСР. Запах бензина вызывает тошноту, а вид болида — панику. Легендарная гонщица боится сесть за руль собственной машины. И когда весь мир ждет от нее «возвращения прежней», она сбегает к единственному человеку, который видел ее сломленной — к Дэну.

Ради нее Даниэль готов поставить на кон карьеру. Он увозит ее в пустыню. Там, в старом внедорожнике, подальше от чужих глаз, начинается их личная гонка. Медленная, мучительная, шаг за шагом. Сначала просто сидеть в салоне, потом повернуть ключ зажигания. Десять кругов на скорости 10 километров в час — их новый рекорд.

Между ними больше нет дистанции «врач-пациент». Есть только его голос, ее дрожащие руки на руле и искра, которая грозит перерасти в пожар. Но чтобы вернуться в гонки и выиграть чемпионство, Регине придется встретиться лицом к лицу с тем

поворотом, который почти похоронил ее заживо. Хватит ли ей его веры, чтобы не разбиться снова?

Содержание

Глава 1. Давление (Регина).	5
Глава 2. Решение проблем (Регина).	15
Глава 3. Возвращение к Дэну (Регина).	24
Глава 4. Риск (Даниэль).	33
Глава 5. Другой континент (Регина).	45
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Скорость тишины. Гонка с собой

Глава 1. Давление (Регина).

Тишина была самым страшным.

Не та тишина, что бывает за городом — умиротворяющая, наполненная пением птиц и шелестом листвы. Не та, что царит в пустой квартире — уютная, обволакивающая, как старое одеяло. А та, что наступает, когда глохнет мотор. Когда рев восьми сотен лошадиных сил, только что разрывавший воздух, вдруг обрывается, и мир проваливается в вакуум. В эту секунду ты слышишь только собственное сердце — оглушительно громкое, испуганное, одинокое.

После аварии я научилась бояться тишины.

В реабилитационном центре «Восхождение» меня научили заново ходить и сгибать колени. Держать равновесие на одной ноге с закрытыми глазами и переносить вес с пятки на носок. Мне казалось, что я умею главное — дышать. Что я победила. Что я вернулась.

Но стоило вернуться домой, как воздух кончился.

Неделя. Всего лишь неделя прошла с тех пор, как я вышла из ворот центра своим ходом — без костылей, без трости, без посторонней помощи. Отец стоял рядом, готовый

подхватить в любую секунду, но я шла сама. Для меня эта неделя был чередой маленьких побед, которые никто не замечал. Вот я сажусь в низкое кресло без крика — мышцы слушаются, позвоночник не простреливает болью. Вот прохожу полкилометра пешком по парку — ноги держат, дыхание ровное. Вот сплю без кошмаров целых три ночи подряд — просыпаюсь не от собственного крика, а от солнечного света за окном.

Но для мира вокруг эта неделя растянулась в бесконечное, томительное ожидание моего «возвращения». Возвращения к ним и к той, прежней.

Отец звонил каждое утро. Ровно в восемь утра, как по будильнику — я могла сверять часы по его звонкам. На экране телефона загоралась его фамилия, и я уже знала, что услышу. Его голос, всегда твердый и командный — голос человека, который четверть века проработал механиком в Формуле-1, а потом открыл свой гараж и привык управлять всем, как личным конвейером, — теперь звучал иначе. Он звучал с нарочитым, вымученным оптимизмом, от которого у меня сводило скулы и хотелось швырнуть телефон в стену.

— Физически ты в порядке, — говорил он, и это был не вопрос. Это был приговор. Вердикт, не подлежащий обжалованию. — Врачи подтвердили, я сам видел заключение. Мышцы восстановлены, суставы работают, позвоночник в норме. Это главное, Регина. Остальное — в голове.

Он делал паузу. Я слышала, как он затягивается сигаретой

— привычка, от которой не мог избавиться тринадцать лет, сколько я себя помню. Выдох. И потом — самое важное, то, ради чего он звонил.

— Команда потеряла темп без тебя. Фред говорит, что новый пилот — талантливый парень, но он не ты. У него нет твоего чутья, твоей агрессии, твоего умения читать трассу. Инженеры перестраивают симулятор под него, но это не то. Спонсоры нервничают, звонят мне и спрашивают: «*Когда Регина вернется?*», «*Она будет готова к началу сезона?*», «*Мы вложили деньги в нее, а не в запасного пилота*». Им нужен пилот, Регина. Им нужна ты.

Еще одна пауза. Самая тяжелая. Я слышала, как он подбирает слова и как они застревают у него в горле.

— ...**Прежняя** ты.

Слово «прежняя» впивалось под кожу занозой. Острой, ржавой, которую не вытащить. Что значит — прежняя? Та, что не боялась входить в поворот «Красная вода» в Спа-Франкоршам на трехстах километрах в час, чувствуя, как перегрузка в 5G вдавликает тело в кресло, а мир сужается до тоннеля? Та, что подписывала контракты, не глядя на нули, потому что главным был вызов, скорость и победа? Та, что смеялась в лицо смерти и говорила журналистам: «*Страх — это топливо, и я сжигаю его в моторе*»? Та, что стояла на подиумах и чувствовала себя богиней?

Та девушка разбилась вместе с болидом. На тестовой сессии, когда передняя подвеска не выдержала нагрузки и мир

перевернулся. Ее больше нет. Она осталась там — в покоренном карбоне, в луже бензина и в вое сирен. А похоронили почему-то меня. Заставили жить вместо нее.

Сначала я кивала, говорила хриплым со сна голосом: *«Я скоро. Через пару дней. Дай мне еще немного времени»*. Потом перестала отвечать на звонки. Скидывала на беззвучный режим, прятала телефон под подушку, словно это могло меня спасти от реальности. Но от давления это не спасало. Оно просто меняло форму, просачивалось сквозь стены, проникало в каждую щель.

Оно звучало голосами механиков в новостных роликах, которые я случайно включала, листая ленту: *«Мы ждем Регину, команда без нее не та»*, *«С ее возвращением мы поборемся за Кубок конструкторов»*, *«Она — душа нашего бокса»*. Оно кричало заголовками в спортивной ленте: *«Кейган: когда лучшая вернется в строй?»*, *«Швейцарская ракета на старте? Инсайдеры сообщают о скором возвращении»*, *«Регина Кейган замечена на прогулке — хромота почти незаметна»*. Оно застывало немым вопросом в глазах матери, которая приехала пару дней назад, привезя с собой домашнюю еду, разложила по контейнерам, поправила скатерть на столе и боялась произнести вслух то, что вертелось у нее на языке: *«Дочка, когда ты уже возьмешь себя в руки?»*.

Давление собиралось в тугой, раскаленный ком где-то в груди, под ключицами, в том самом месте, куда пришелся удар ремней безопасности. Оно росло с каждым днем, с каж-

дым звонком, с каждым взглядом. Оно мешало дышать по ночам, заставляя просыпаться в холодном поту, хватать ртом воздух, словно я снова была пристегнута ремнями в перевернутой машине и не могла сделать вдох. Оно давило на ребра, на диафрагму, на горло.

В итоге я сдалась...

Согласилась на встречу. Просто «поговорить», сказала я себе. Формальность. Посмотреть на новый болид — просто посмотреть, не садиться. Обсудить теоретические планы на сезон — чисто теоретически, без обязательств. Механически улыбнуться механикам, которые возились с моими машинами еще с Формулы-Академик и которые, говорят, плакали, когда увидели меня после аварии. Чисто формально. Чтобы все отстали. Хотя бы на неделю. Хотя бы на несколько дней.

Автодром встретил меня запахом.

Раньше этот сложный коктейль — разогретый солнцем асфальт, жженая резина после тренировочных заездов, высокооктановое топливо, перегретое масло, озон от электрических систем — казался мне наркотиком. Эликсиром жизни, который впрыскивал адреналин прямо в кровь, заставляя сердце биться чаще, а мышцы — наполняться силой. Я вдыхала его полной грудью перед каждым стартом, как наркоман — первую дозу, и чувствовала себя живой. Настоящей. Той, кем должна была быть.

Сейчас он просто был.

Пыльный, резкий и чужой. Как духи бывшего возлюбленного, с которым давно рассталась, но запах еще хранится где-то в глубине памяти и вызывает не тепло, а глухую, ноющую боль.

Я шла по пит-лейну, и каждый шаг отдавался эхом в пустоте, которую раньше заполняла уверенность. Мой шаг — всегда быстрый, пружинистый, как у хищника перед прыжком, — теперь был осторожным, выверенным, как на минном поле. Механики, с которыми мы прожили не один сезон, вместе праздновали победы и переживали сходы, приветственно махали руками. Кто-то крикнул: *«Регина, молодец, выздоравливай! Мы тебя ждем!»* Кто-то хлопнул по плечу — осторожно, боясь причинить боль. Я кивала, улыбалась — той самой дежурной улыбкой, которую ненавидела, — и шла дальше.

Но я видела их глаза...

В их глазах читался тот же самый, ставший уже ненавистным, вопрос. Тот, который я видела везде — в глазах отца, в глазах матери, в глазах журналистов, в глазах случайных прохожих, узнававших меня на улице.

«Ну что, готова? Когда ты будешь готова? Когда ты снова станешь прежней?»

Она стояла под яркими лампами, заливающими бокс стерильным, операционным светом. Моя машина. Моя «Ракета». Болид Формулы-1, который я пилотировала в прошлом сезоне — до аварии, до всего. Та же ливрея цвета «полуноч-

ная синева» с серебристыми полосами, те же цифры на борту — 27, мой номер, который я выбрала еще в картинге и не меняла никогда. Идеальная, сверкающая машина, будто той страшной аварии на тестах и не было. Будто ее только что собрали заново, вылизали до блеска, натерли воском, стерли с нее память о перегрузках в 25G и скрежете ломающегося металла.

Я сделала шаг к ней. Потом еще один.

И тут мир дернулся... Сбился с фокуса, как старая видеокассета, которую зажевало в магнитофоне. Как картинка в гарнитуре шлема, когда связь с боксами прерывается и ты остаешься один на один с ревущей машиной.

Звуки слились в один сплошной, тошнотворный гул. Голоса механиков, шум кондиционеров, далекий рев мотора на трассе — все смешалось в какофонию, в белый шум, который давил на барабанные перепонки. Вместо радости от возвращения, по спине пробежал стремительный, ледяной пот. Я смотрела на открытый кокпит, на черную бездну водительского сиденья, на руль, обтянутый алькантарой. Представляла педали, которые ждали моих ног.

И не могла пошевелиться: ноги будто приросли к бетонному полу. Я смотрела на кокпит и видела не машину. Я видела свою могилу...

Скрежет металла. Оглушительный, режущий по ушам, по нервам, по самому мозгу. Хруст карбона, ломающегося о бетонный отбойник. Резкая, непроглядная темнота — на се-

кунду, когда от удара отключилось сознание. Ремни безопасности впиваются в грудь с такой силой, что невозможно вздохнуть — ни вдохнуть, ни выдохнуть, только тонкий, свистящий писк где-то в горле. Запах гари, бензина, жженой резины и собственной крови — медный, соленый, тошнотворный.

Я моргнула. Раз, другой, третий. Попыталась стряхнуть видение, разорвать эту пленку, заевшую в проекторе. Заставляла себя дышать: вдох, выдох, вдох, выдох, — как учил Дэн. Но перед глазами была все та же машина. Моя идеальная, сверкающая «Ракета».

Только теперь я видела ее иначе. Не спасительную молнию, несущую победу. Не продолжение моего тела, не партнера, которому я доверяла больше, чем себе. А клетку. Ловушку. Гроб на колесах, обитый карбоном и покрытый аэродинамическими антикрыльями. Машину, которая однажды уже пыталась меня убить. И, возможно, попытается снова.

Я хотела сделать шаг вперед. К ней. Доказать себе, что это все ерунда. Что я сильнее какого-то страха, какой-то дурацкой панической атаки. Что я — Регина Кейган, «Швейцарская ракета», претендент в Формулу-1, та самая, что сжигает страх в моторе.

Но ноги отказывались слушаться. Они словно вросли в пол, приклеились, приварились. Сердце колотилось где-то в горле, у самого кадыка, толчками отдаваясь в висках, мешая глотать воздух. Я смотрела на кокпит — на эту черную без-

дну, — и меня физически тошнило от ужаса. Желудок сжимался, к горлу подкатывала горечь. Я не могла сесть внутрь. Я не могла даже дотронуться до карбона, до этого холодного, гладкого, безжалостного материала, который должен был защитить меня, но не смог.

Простояв так, парализованная, неизвестно сколько секунд — может, пять, может, вечность, время потеряло смысл, — я развернулась.

Медленно, стараясь не делать резких движений, чтобы меня не стошнило прямо здесь, у ног идеального монстра. Чтобы никто не увидел, как дрожат мои руки, как побелели губы, как расширились зрачки от ужаса. Чтобы не дать им повода для новых заголовков: *«Кейган не справилась с эмоциями при виде болида»*, *«Паническая атака бывшей чемпионки»*, *«Возвращение под вопросом»*.

И, стараясь не перейти на панический бег, пошла прочь от боксов, от света и от людей.

Казалось, что на меня смотрят сотни глаз. Механики, инженеры, пресс-атташе, случайные посетители автодрома. Что за моей спиной уже шепчутся, обмениваются многозначительными взглядами, достают телефоны, чтобы написать в чаты: *«Вы не поверите, что сейчас было с Кейган»*. Но на самом деле мне было глубоко плевать. Спасалась не гордость, не пилот, не дочь спонсоров, не «Швейцарская ракета».

Спасалась я. Просто Регина. Просто девушка, которую трясло от страха перед куском пластика и металла. Просто

человек, который однажды уже умер в этом кокпите и не знал, сможет ли родиться заново.

Я шла по пит-лейн, мимо других боксов, мимо чужих машин, мимо людей, которые оборачивались мне вслед. Солнце слепило глаза, ветер трепал короткие волосы. В ушах все еще стоял тот скрежет — хруст карбона, визг тормозов, вой сирен. В груди колотилось сердце — испуганное, одинокое, живое.

Я вышла за ворота автодрома, на парковку. Прислонилась к стене, закрыла глаза. Сделала глубокий вдох. Выдох.

Дэн. Что бы ты сказал сейчас, увидев меня такой? *«Еще пять вдохов, Регина. Еще пять. Ты справишься. Ты всегда справляешься».*

Я сделала еще пять вдохов. Сердце замедлилось. Тошнота отступила.

Но страх остался. Глубокий, липкий, вьевшийся в каждую клетку. Страх перед машиной, которая когда-то была моей жизнью. Перед скоростью, которая была моим воздухом. Перед будущим, которого у меня, возможно, больше нет.

Я открыла глаза, отлепилась от стены и пошла к стоянке такси. На сегодня хватит. На сегодня я сделала все, что могла. Я пришла. Я посмотрела. Я не села — но я хотя бы пришла.

А завтра... завтра будет новый день. И, может быть, новый шаг.

Глава 2. Решение проблем (Регина).

Два дня я провалялась в кровати, глядя в белый потолок спальни.

На нем не было трещин. Не было пятен, похожих на карту трассы. Не было ничего, за что можно зацепиться взглядом и утонуть в воспоминаниях. Идеальная, стерильная поверхность — ровный слой белой краски, нанесенный аккуратными мазками валика. Отец сделал ремонт, пока я лежала в центре. Сказал: *«Хочу, чтобы ты вернулась в новый дом, а не в старые стены».*

Идеальное полотно для того, чтобы снова и снова прокручивать в голове тот момент на автодроме.

Скрежет, темнота и ледяной пот на спине. Бездна кокпита, которая смотрела на меня и ждала — терпеливо, как хищник в засаде. Я закрывала глаза и видела это снова. Открывала — и видела белый потолок, который ничего не мог мне ответить.

Я пыталась убедить себя, что это просто нервы. Последствия стресса. Усталость. Акклиматизация после полутора лет реабилитации — организм еще слаб, гормоны скачут, нервная система перестраивается. Я же медик поневоле, наслушалась в центре от Дэна про кортизол, про адреналин, про посттравматические реакции. Это нормально. Это пройдет. Завтра я встану, выпью кофе — черный, без сахара, как

он учил, — и все пройдет.

Но наступало завтра... Я закрывала глаза, пыталась представить руль в руках — шершавую алькантару под пальцами, прохладу карбона, вибрацию мотора, передающуюся через оплетку. И паника подступала снова. Сдавливала горло невидимой удавкой, перекрывала дыхание, заставляла сердце срываться в галоп. Я хватала ртом воздух, открывала глаза, смотрела на белый потолок и считала трещины, которых там не было.

Я — человек, привыкший решать проблемы скоростью и натиском. Это был мой метод всегда, с самого детства, с первого карта: вижу цель — не вижу препятствий. На трассе это означало атаковать поребрики там, где другие сбрасывали газ. Вжимать педаль в пол на выходе из поворота, когда соперники еще только начинали разгон. Не оставлять никому ни миллиметра пространства, ни доли секунды времени. В жизни — принимать решения мгновенно и не оглядываться. Контракт? Подписать. Интервью? Дать. Соперница сказала гадость? Ответить в три раза жестче. Без колебаний, сомнений и страха.

Но здесь натиск не работал... Я себя заставляла: «Давай, Регина, вставай. Зайди в боксы и сядь в эту чертову машину! Ты же сильная, ты же «Швейцарская ракета!»». Но от этого хуже становилось. Меня начинало трясти мелкой дрожью только от мысли о том, чтобы выйти из дома и сесть в такси до автодрома. Сердце ускорялось до 180, 190, а то и

200 ударов в минуту, — когда я представляла, как подхожу к боксам. А когда доходило до мысленного образа кокпита — той черной бездны, — меня накрывало полностью. Пот, дрожь, тошнота и невозможность вдохнуть.

Я не хотела, чтобы отец знал. Эта мысль была четче остальных. Ярче, чем страх, боль и стыд. Отец не должен узнать.

Он бы не понял. Для него, для Даниэля Вернера — человека, который построил свою жизнь на асфальте, который прошел путь от механика в заводском гараже до команды в Формуле-2, страх — это роскошь. Слабость, которую не может позволить себе гонщик. Он сам никогда не боялся. Когда у него горел гараж, он вытаскивал машины из огня голыми руками. Когда врачи сказали, что я, возможно, не встану, он сказал: «Встанет». И ни разу не усомнился. Страх — это то, что он презирал в других и в себе. А слабость в нашем мире убивает быстрее, чем перегрузки в 50G.

Спонсоры тем более не поймут. Они платят миллионы не за то, чтобы пилот боялся собственной тени. Они платят за хладнокровие. За стальные нервы. За улыбку на подиуме, которая продает одежду, аксессуары, автомобили. За ту, прежнюю Регину Кейган, которая смотрела в камеру и говорила: *«Страх — это топливо, я сжигаю его в моторе»*. Если они узнают, что теперь страх сжигает меня, — контракт аннулируют в тот же день. И правильно сделают: кому нужен пилот, который не может сесть в машину?

Поэтому спустя два дня бесплодных попыток взять себя в руки я сдалась. Но не отцу, не команде, не спонсорам. Я сдалась себе — признала, что сама не справлюсь. Соврала по телефону, что еду на массаж к легендарному остеопату, который работал еще с пилотами старой школы. И нашла в интернете клинику. Частный кабинет на окраине города, в неприметном офисном здании, с безликой вывеской, которая ничего не говорила случайному прохожему. Без очередей, без регистратуры, где тебя могут узнать, без лишних вопросов. Записываясь, я назвала девичью фамилию матери — Регина Сантони, — и чувствовала себя шпионкой, переходящей линию фронта с фальшивыми документами. Чувство было до тошноты непривычным и унижительным. Я, Регина Кейган, которая никогда ничего не боялась, крадусь по окраине города к психологу, как побитая собака.

Кабинет оказался маленьким и обманчиво светлым. Большое окно выходило на тихий двор с чахлыми деревьями, солнце заливало комнату, но не слепило. Мягкий бежевый диван — не больничная кушетка, а именно диван, с подушками, с пледом, — так и манил провалиться, свернуться калачиком и забыть обо всем. Книжный шкаф с корешками умных книг — Фрейд, Юнг и другие фамилии, которые я не знала, — создавал ощущение, что здесь работают с душой, а не с телом. И дурацкие, на мой взгляд, картинки на стенах с абстрактными разводами — синие, зеленые, фиолетовые кляксы, — наверное, чтобы успокаивать.

Они не успокаивали. Они раздражали. Как и все в этом кабинете.

Психолог — женщина лет сорока, с короткой стрижкой, осветленными концами и усталыми, но внимательными глазами слушала меня молча. Не перебивала, не поддакивала нарочито, не делала пометок в блокноте каждые две секунды. Просто слушала. Смотрела на меня — спокойно, изучающе, но не оценивающе, — и слушала.

А я говорила.

Сбивчиво, зло, проглатывая окончания, перескакивая с одного на другое. С аварии на тестах в Барселоне — на тот ледяной ступор у болида в боксах. С криков на Дэна в реабилитационном центре — на молчание отца по телефону. С запаха жженой резины, который перестал быть наркотиком, — на давление, которое душило меня каждое утро. Говорила о предательстве собственного тела, которое отказалось подчиниться там, у машины. О руках, которые тряслись при виде перчаток. О звуке мотоцикла за окном, от которого я хваталась за подоконник.

Я не плакала. *«Гонищики не плачут»*, — эту мантру я повторяла себе с шестнадцати лет, когда впервые разбила карт на тренировке и отец сказал: *«Слезы — для слабых. Ты сильная. Вставай и чини машину»*. Я не плакала ни когда узнала, что могу не встать. Ни когда падала с ходунков на кафельный пол. Ни когда Дэн рассказал мне о Саше. Ни сейчас.

Но голос срывался на хрип. Я слышала это сама — как он

ломается, дрожит, выдает меня с головой.

Когда я замолчала, в комнате повисла тяжелая тишина. Та самая, которой я боялась больше всего. Тишина после того, как глохнет мотор. Тишина, в которой слышно только собственное сердце.

Она не дала мне волшебных таблеток. Не сказала: *«Выпейте это — и завтра будете как новенькая, снова сядете за руль и выиграете чемпионат»*. Она просто кивнула, выдержала паузу — долгую, тягучую, — и задала несколько вопросов. О сне, о еде. О том, снятся ли мне кошмары. Просыпаюсь ли я ночью от собственного крика. Как часто я слышу тот скрежет, когда не сплю.

А потом произнесла вслух то, чего я боялась даже про себя формулировать. Диагноз, который звучал как приговор.

— ПТСР или же посттравматическое стрессовое расстройство...

Слова упали в тишину кабинета, как камни в воду. Тяжелые, необратимые, оставляющие круги на поверхности.

— Ваша психика, Регина, не сломана, — сказала она мягко, но твердо, без этой противной медицинской сладости, которую я ненавидела. — Она работает именно так, как должна работать в вашей ситуации. Она пытается вас защитить. Вы пережили опыт, который оказался для нее непереносимым — физическая боль, угроза жизни, полная беспомощность. И теперь она выстроила стену вокруг этого опыта. Изолировала его, как... как пожар в отсеке двигателя. Чтобы огонь

не перекинулся на все остальное.

Она сделала паузу, давая мне переварить.

— Прямо сейчас главный триггер для вас — гоночная машина и все, что с ней связано. Запах резины и бензина. Вид кокпита. Звук мотора. Даже мысли о возвращении за руль. Ваш мозг связывает эти стимулы с той аварией и запускает реакцию «*бей или беги*». Вы не можете «*бить*» — и поэтому ваше тело выбирает «*беги*». Отсюда паника, дрожь, тошнота. Это не слабость, Регина. Это биология.

Она взяла с журнального столика очки, протерла их краем рукава. Посмотрела на меня — прямо, без жалости, но с пониманием.

— Лучшее лечение на начальном этапе — **избегать** триггеров. Дайте себе время и отдохните от гонок. Не заставляйте себя смотреть на машину, нюхать резину, слушать рев мотора. Переключитесь на что-то другое. Что угодно: гуляйте, читайте, смотрите кино. Все, что не связано с автоспортом. Психике нужно время, чтобы переработать травму и снизить чувствительность к триггерам. Потом, когда острая фаза пройдет, вы начнете работать с ними постепенно. Шаг за шагом.

«*Избегать?*»

Я смотрела на нее и, кажется, перестала моргать. Слова застревали где-то на пути от ушей к мозгу, не хотели складываться в смысл. Она предлагала мне избегать гонок? Избегать единственного, что я умею? Единственного, ради че-

го я просыпалась по утрам последние десять лет? Того, ради чего я заново училась ходить, сгибать колени, стоять на одной ноге с закрытыми глазами и балансировать?

Это не просто работа. Не хобби, которому можно сказать «отдохну до понедельника, потом вернусь». Не профессия, которую можно сменить, как меняют команды. Это... это все, что я есть. Это воздух, которым я дышала с четырнадцати лет, с того самого дня, когда отец усадил меня в старый карт и сказал «газуй». Это моя идентичность. Моя цель. Мой способ доказывать миру — и себе в первую очередь, — что я чего-то стою. Что я не просто дочь механика из Формулы. Что я — Регина Кейган. «Швейцарская ракета». Победительница. Та, что не боится ничего.

А она предлагала мне отказаться от этого. Убежать. Спрятаться.

Я вышла из клиники на ватных ногах. Солнце било в глаза, но мир казался серым и плоским, как старая фотография. Звуки города — шум машин, голоса прохожих, лай собаки — доносились будто сквозь вату. Я стояла на крыльце, сжимая в руке визитку с именем психолога и датой следующего приема, и не знала, куда идти.

В голове пульсировала одна мысль. Тяжелая, вязкая, как отработанное масло, которое сливают из картера после гонки. Если гонки — это триггер. Враг, от которого нужно бежать и прятаться, как от огня. Возвращение за руль — путь в панику, в дрожь, в тошноту, в ту самую черную бездну, из

которой я только-только начала выкарабкиваться. А не гонки — это пустота. Зияющая, черная дыра в груди, где раньше была жизнь, адреналин, скорость, смысл. Где же мне теперь искать себя?

Кем я стану, если перестану быть пилотом? Если сниму гоночный комбинезон и повешу его в шкаф навсегда? Если перестану слышать рев мотора по утрам и запах жженой резины перед стартом? Кто я без этого? Что от меня останется? Дочь механика? Инвалид, который научился ходить? Девушка с титановыми штифтами в костях и паническими атаками при виде машины?

Я стояла на крыльце и смотрела на серую улицу, на серые дома, на серое небо. Ответа не было. Только пустота внутри и визитка в руке.

Я развернулась и пошла к метро. Медленно, осторожно, как ходила в центре после первых шагов. Ноги слушались — спасибо Дэну, спасибо его «еще пять». Но внутри была пустота. Та самая, которая страшнее любой боли.

Потому что боль можно терпеть. С болью я научилась жить. А пустоту — нечем заполнить.

Глава 3. Возвращение к Дэну (Регина).

Реабилитационный центр «Восхождение» казался мне единственным безопасным местом во всем мире.

Мир снаружи давил, требовал и оценивал. Измерял меня в секундах на круге, в очках в зачете Кубка конструкторов, в количестве упоминаний в прессе. Мир хотел, чтобы я выздоровела «быстро и правильно», желательно еще вчера. Мир звонил мне по утрам голосом отца и спрашивал: «Когда?». Мир смотрел на меня с рекламных щитов — та, прежняя Регина, «Швейцарская ракета», — и требовал стать ею снова.

А здесь... Здесь время текло иначе. Тягуче, медленно, не подгоняя. Как капельница, отсчитывающая секунды капля за каплей. Как шаги Джорджио, о котором рассказывал Дэн, — три метра до двери и обратно, целая вечность, олимпийский рекорд. Здесь никто никуда не спешил, потому что спешить было некуда. Здесь каждый день был маленькой победой, а не ступенькой к большой цели.

Здесь не пахло бензином и разогретыми тормозными дисками. Не пахло жженой резиной после тренировочных заездов и перегретым маслом из боксов. Не пахло адреналином, который я вдыхала как наркотик перед каждым стартом.

Здесь пахло хлоркой, которой мыли полы три раза в день.

Лекарствами — микстурами, таблетками, мазями с резким ментоловым запахом. И, как ни странно, надеждой. Той самой, тихой, неброской надеждой, которая живет в глазах людей, делающих свои первые шаги после инсульта. Которая звучит в смехе Николы, поймавшего мяч левой рукой.

Здесь не было спонсоров с их вечно вопрошающими взглядами и дорогими часами на запястьях. Не было прессы, готовой раздуть любую мою слабость до размеров вселенской катастрофы — *«Кейган не справилась с эмоциями»*, *«Возвращение под вопросом»*, *«Швейцарская ракета сломалась на старте»*. Не было отца с его молчаливым ожиданием, которое давило сильнее любых слов.

Здесь были люди, которые учились заново жить. Люди, которые, как и я, столкнулись с предательством собственного тела. Которые учились заново сжимать пальцы в кулак, произносить слова после инсульта, делать шаг, который вчера казался невозможным. И здесь был он.

Я придумала дурацкий, насквозь фальшивый предлог, еще когда садилась в такси. *«Заехала проверить связки, — мысленно репетировала я речь, глядя на проплывающие за окном улицы. — Что-то тянет после перелома, решила не затягивать, показаться знакомому специалисту»*. Просто формальность. Просто визит вежливости. Ничего особенного.

Врачу на стойке регистрации — молодому парню с бейджем «Стажер» и прыщавым лбом — я соврала легко, даже

не моргнув. Улыбнулась дежурной улыбкой «Регины Кейган, известной гонимой», и он пропустил меня без вопросов, даже проводил до лифта, краснея и путаясь в словах.

Но когда я увидела Дэна, поняла сразу — ему не соврешь. Никогда не получалось. Даже в те первые месяцы в центре, когда я орала на него, обзывала садистом и роботом, а он просто смотрел и ждал. Он всегда видел меня насквозь. Видел за маской «Швейцарской ракеты» испуганную, сломленную девчонку, которая боится, что никогда не встанет.

Он сидел в холле на неудобном низком диване — те самые, больничные, с твердыми спинками и продавленными сиденьями, на которых невозможно усидеть дольше получаса. В руках — потрепанная книга в мягкой обложке, что-то по неврологии, судя по заголовку. Увидев меня, он удивленно приподнял бровь — точь-в-точь как раньше, в те времена, когда я приходила к нему с глупыми вопросами о настройках подвески или с жалобами на то, что упражнения слишком тяжелые.

Мы поздоровались, пожав руки. От него пахло больничным мылом — тем самым, с антисептиком, — и чем-то родным, забытым. Чем-то, что я не могла назвать, но что отзывалось теплом где-то в груди.

И почти сразу, отстранившись, он спросил в лоб:

— Связки? — В его голосе звучала такая неподдельная, теплая ирония, что я невольно дернула уголок губ. — Серьезно, Регина? Ты мне хочешь сказать, что приехала в ре-

абилитационный центр на другом конце города, в час пик, через пробки, чтобы проверить связки? У тебя на лбу написано крупными буквами, что ты здесь не за этим.

Он не стал пытаться меня в холле, под любопытными взглядами проходящих мимо медсестер и пациентов. Медсестра Марьям, проходившая с лотком лекарств, бросила на нас понимающий взгляд и чуть заметно улыбнулась. Дэн просто взял меня за руку — его ладонь была сухой и прохладной, как всегда, — и повел за собой. Мы прошли по длинному коридору мимо дверей с табличками, мимо запахов лекарств и хлорки, мимо приглушенных звуков работающих тренажеров из зала ЛФК.

Его кабинетом была небольшая комната. Плакаты здорового образа жизни на стенах и улыбающиеся люди с идеальными зубами на фоне закатов и горных вершин выглядели здесь нелепо. Будто кто-то пытался замаскировать боль, которая жила в этих стенах, глянцевыми картинками. Стол был завален бумагами и картами пациентов. Два стула — такие же неудобные, как в холле. Кушетка, застеленная белой простыней.

И тишина. Спасительная тишина, которую не нарушали звонки телефонов, гул моторов и требовательные голоса. Тишина, в которой можно было просто быть.

Когда дверь закрылась, отсекая внешний мир, он сел напротив меня. Не за стол, отделяясь преградой, а просто напротив, на такой же неудобный стул. Посмотрел на меня

тем самым взглядом, который я помнила еще по реабилитации: спокойным, внимательным, всепонимающим без лишних слов. Взглядом человека, который видел меня в деле, видел на пределе, видел растерянной после неудачных попыток встать. Видел плачущей в подушку и орущей от боли. Видел смеющейся над его дурацкими историями из юности.

Но такой он меня еще не видел.

Я молчала. Слова застревали где-то в горле, комом сворачивались, царапались острыми краями, но наружу не шли. Я смотрела на свои руки, лежащие на коленях, — руки, которые держали руль на трехстах километрах в час, а теперь не могли надеть гоночные перчатки без дрожи. Смотрела на плакат *«Движение — это жизнь»* за спиной Дэна. Куда угодно, только не в его глаза. Потому что если я посмотрю в его глаза — я сломаюсь окончательно.

Дэн ждал. Он не торопил. Не задавал наводящих вопросов, как тот психолог с ее блокнотом и умными терминами. Не давил, как отец с его молчаливым ожиданием. Не пытался заполнить паузу дежурными фразами.

Он просто был рядом. Живой, теплый, настоящий. Единственный человек в мире, который знал, каково это — смотреть в лицо своему страху и понимать, что ты больше не тот, кем был раньше. Единственный, кто прошел через тот же ад — потерю всего, что было дорого, — и выжил. Единственный, кто мог понять без слов.

И меня прорвало.

— Я не могу сесть за руль... — выдохнула я.

Голос дрогнул, сорвался на хриплый шепот. Слова потекли сами, их было не остановить — как вода из прорванной плотины, как масло из разбитого картера. Они лились и лились, захлестывая меня с головой.

— Я боюсь, Дэн. Понимаешь? Не просто волнуюсь перед стартом — тот мандраж, который всегда был, который помогал собраться, который проходил после первого круга. Нет, я боюсь. По-настоящему. До тошноты, до дрожи в коленях, до ледяного пота на спине. Я подошла к машине на автодроме несколько дней назад... и не смогла. Просто стояла и смотрела на кокпит, на эту черную дыру и не могла сделать шаг.

Я замолчала, переводя дыхание. Воздух застревал в горле.

— Я смотрела на сиденье и видела только одно: как меня оттуда вырезали. Как резали карбон гидравлическими ножницами, чтобы достать мое тело. Я слышала этот звук — хруст, скрежет. Чувствовала запах гари, бензина, собственной крови. Я стояла там, в боксах, а вокруг ходили механики, смотрели на меня, ждали чего-то... А я не могла пошевелиться. Как будто ноги приросли к полу. Как в тот день, когда я впервые пыталась встать с кровати и упала.

Я прижала кулак к груди, туда, где под ребрами пульсировал этот мерзкий, тяжелый ком. Тот самый, который не давал дышать по ночам.

— Это хуже, чем сломанные ноги, Дэн. Ноги болят, но это проходит. Кости срослись, титан прижился, боль ушла

— осталась только ноющая, фоновая, к ней я привыкла. А это... это сидит вот здесь. — Я постучала себя по груди костяшками пальцев. Глухой звук. — И душит. Особенно ночью. Я просыпаюсь от собственного крика и не могу вдохнуть. Мне снится та авария — снова и снова, как заевшая пленка. И я не знаю, что с этим делать...

Я замолчала, опустив голову. Слезы все-таки потекли — предательские, соленые, обжигаяще горячие на щеках. Я не вытирала их: не было сил. Да и зачем? Он уже видел меня всякой — злой, сломленной, кричащей, смеющейся. Пусть видит и плачущей.

— Я не знаю, кто я без гонок. Без этого всего: без рева мотора, запаха резины и адреналина в крови. Если я не пилот — я пустое место. Просто дочь своего отца. Красивая картинка для спонсорских вечеринок — улыбаться в камеру и держать бокал с напитком, в котором нет алкоголя. Я не знаю, как жить дальше. Чем заполнить эту... дыру.

Я замолчала окончательно. Слезы капали на колени, на мои руки, которые все еще дрожали.

Дэн молчал. Долго. Так долго, что я уже начала жалеть, что пришла. Что вывалила на него все это. Что он сейчас скажет что-то правильное, профессиональное, врачебное — и я почувствую себя еще более одинокой.

Но в его молчании не было осуждения. Не было жалости, от которой хочется провалиться сквозь землю. Не было дежурных фраз вроде «*все будет хорошо*» или «*ты справишь-*

ся, ты же сильная». Только тихая, глубокая, абсолютная поддержка. Та, которая не требует слов. Та, которая просто есть — как воздух, как земля под ногами, как стены этого центра, которые видели сотни сломанных людей и давали им убежище.

Он протянул руку и накрыл мою ладонь своей. Его пальцы были прохладными — всегда такими были, сколько я его помню. Еще там, в реабилитации, когда он поправлял мне ортез или подавал руку, помогая встать. Но от этой прохлады почему-то становилось тепло. Спокойно. Как будто кто-то включил систему охлаждения в перегретом моторе.

Холодные пальцы и горячее сердце. Сердце человека, который прошел через то же самое. Который тоже боялся, что никогда больше не станет прежним. Который потерял друга на трассе и несет эту вину до сих пор. Который знает цену каждому шагу, вдоху, и каждой минуте без боли.

Я подняла глаза и посмотрела на него. Он не отводил взгляда. В его глазах не было жалости, страха или растерянности. Только понимание: глубокое, как океан, и спокойное, как штиль.

Я пришла к нему не за диагнозом. У меня уже был диагноз — ПТСР, красивая аббревиатура для того, что разъедает тебя изнутри. Не за чудодейственным советом — *«сделай пять вдохов, и все пройдет»*. Не за рецептом волшебной пилюли, которая вернет меня в кокпит.

Я пришла к нему, потому что он был единственным че-

ловеком, который мог увидеть во мне не чемпионку Формулы-2 и не «Швейцарскую ракету». Не пилота, которого надо починить и вернуть на трассу, чтобы он снова приносил очки и спонсорские деньги. Не сломанную куклу, вызывающую жалость.

Он видел во мне просто Регину. Ту, которой сейчас было страшно. Ту, которая имела право бояться. Ту, которая не знала, как жить дальше, и не стыдилась этого. Ту, которая пришла к нему через весь город, потому что больше не к кому было пойти.

И в этом его молчаливом принятии — без оценок, без советов, без попыток «исправить» — было больше спасения, чем во всех словах психолога, вместе взятых.

Он просто держал мою руку. Прохладными пальцами. И молчал. А я наконец-то дышала.

Глава 4. Риск (Даниэль).

Я смотрел на нее и видел ту самую Регину, которая во-
рвалась в мою жизнь полтора года назад. Нет, не тогда — го-
раздо раньше. Ту, что стояла в паддоке Формулы-2, сжимая
блокнот, и смотрела на нас с Сашей глазами, полными дерзо-
сти и обожания: «*Я тоже буду гонимой. Лучшей!*». Она го-
рела тогда: адреналин, драйв, и абсолютная, пугающая одер-
жимость скоростью. В ее глазах плясали бесы — те самые,
которые заставляли ее входить в повороты на пределе, обго-
нять по внешнему радиусу, вжимать педаль в пол, когда все
остальные сбрасывали газ.

Сейчас она сидела напротив меня, сжавшись в комок на
неудобном пластиковом стуле, и тлела.

Не горела — тлела. Как костер, который залили водой, но
угли еще теплятся под слоем пепла. Тлела от страха, который
въелся в каждую клетку ее тела, в каждый нерв, в каждую
мысль. Страх, который стал ее постоянным спутником —
как тень, дыхание или биение сердца.

Слова «*я не знаю, кто я без гонок*» эхом отдавались в моей
голове, накладываясь на что-то свое, глубоко личное, что я
старательно запечатал внутри и не открывал уже много лет.
На ту ночь в больнице, когда я сидел в коридоре и слушал,
как врачи говорят «никогда». На тот день под холодным до-
ждем, когда гроб опускали в землю. На пустоту, которая по-

селилась в груди и не уходила, сколько бы пациентов я ни поставил на ноги.

Я знал это чувство досконально. До той самой дрожи в руках, которую она сейчас пыталась спрятать, сжимая пальцы в кулак.

Не от мира спорта, нет. От мира, который рухнул в одно мгновение, когда тебе двадцать пять, ты молодой и талантливый — пусть еще не хирург, но уже инженер, — и кажется, что вся жизнь впереди. Трасса, победы, Монако, о котором мы мечтали с Сашей, разбирая телеметрию до рассвета. А потом ты теряешь друга. Не от болезни — от скорости. От той самой скорости, которой вы оба поклонялись, как боже-ству.

Автокатастрофа в двадцать пять лет. Здоровый, веселый, полный планов парень — и пустота. И ты не знаешь, что делать с этой пустотой. Ты не знаешь, кто ты теперь, если половина твоих шуток, половина твоих воспоминаний, половина тебя самого была связана с ним. Если каждый раз, когда ты смотришь на телеметрию, ты слышишь его голос в наушниках: *«Дэн, не будь бабой, я знаю, что делаю!»*.

У меня тогда еще была медицина. Работа, которая спасала. Которая не давала утонуть, заставляла вставать по утрам, брать в руки инструменты — пусть не скальпель, а планшет с назначениями, — делать свое дело. Которая давала смысл: помочь другим, раз не смог помочь ему. Каждый пациент, встававший на ноги, был моим искуплением. Моим *«прости,*

Саша, я не смог тебя спасти, но этого — смогу».

А у нее — спорт. Гонки. То, чем она живет. То, что составляет ее суть, ее идентичность и ее воздух. То, ради чего она заново училась ходить, сгибать колени и стоять на одной ноге с закрытыми глазами. И если спорт стал врагом, если он теперь не спасение, а источник ужаса, если один взгляд на кокпит вызывает паническую атаку — что останется? Чем она заполнит эту зияющую дыру? Кем она станет, если перестанет быть пилотом?

Поэтому я понимал: ей сейчас нужен не психолог.

Не специалист с его мудренными схемами и блокнотами. Не человек, который будет задавать вопросы про детские травмы, вытесненные переживания и отношения с отцом, делая пометки в карте. Не тот, кто знает теорию ПТСР по учебникам, но никогда не чувствовал, как это — когда собственное тело предает тебя, когда страх душит по ночам, когда ты просыпаешься от собственного крика и не можешь вдохнуть.

Ей нужен тот, кто сам прошел через ад — пусть и другой, — и не сгорел. Тот, кто знает, каково это — смотреть в пропасть и не видеть дна. Тот, кто сможет вытаскивать ее из этого состояния не лекциями и медикаментами, а по кирпичику, по сантиметру, по вздоху. Тот, кто будет рядом не потому, что ему платят, а потому, что он не может иначе.

Она сидела напротив, обхватив себя руками, будто пытаюсь удержать рассыпающееся тело. Плечи ссутулились, голова опущена, волосы упали на лицо. И смотрела на меня гла-

зами раненого зверя — того, который загнан в угол, который уже не верит в спасение, но еще не готов умереть. В этих глазах не было надежды. Только боль: глухая, вязкая и бесконечная. И отчаяние человека, загнанного в угол собственным мозгом. Собственным телом, которое предало дважды — сначала в аварии, а теперь в боксах, когда отказалось сделать шаг к машине.

И я принял решение...

Рискованное, дурацкое и граничащее с безумием. Не имеющее ничего общего ни с профессиональной этикой, ни со здравым смыслом, ни с теми границами, которые я так старательно выстраивал все годы работы в центре. Решение, о котором я, возможно, пожалею уже завтра утром. Решение, которое может разрушить мою карьеру, если кто-то узнает его истинную суть. Решение, которое идет вразрез со всем, чему меня учили.

Но другого у меня не было...

Она пришла ко мне. Через весь город, через пробки, через свой страх и стыд. Пришла, потому что больше не к кому. Потому что я — единственный, кто видел ее настоящую все эти полтора года. Кто не отворачивался, когда она кричала. Кто не сдавался, когда она падала. Кто сидел рядом ночью и рассказывал о друге-гонимике, чтобы она не чувствовала себя одинокой.

И я не мог ее отпустить. Не мог сказать: *«Извини, это не моя специализация, обратись к психотерапевту»*. Не мог

выставить за дверь и вернуться к своим бумагам.

— Я... могу помочь, — сказал я тихо, но твердо.

Голос прозвучал спокойнее, чем я себя чувствовал. Внутри все дрожало — то ли от страха, то ли от адреналина, то ли от осознания того, что я только что переступил черту, за которую не заходил никогда. Черту между профессионалом и человеком. Между врачом и... кем? Другом? Или кем-то большим?

Регина подняла на меня взгляд. В нем мелькнуло недоверие — острое, колючее, почти враждебное. Она уже привыкла, что все хотят ее «починить». Вернуть в строй и «сделать прежней». Поэтому она больше не верила никому — даже мне. Особенно мне...

Но в самой глубине ее глаз я заметил крошечный, слабый огонек надежды, который она тут же попыталась затоптать. Задавить привычным скепсисом. Спрятать за маской гонимости, которая ни в ком не нуждается.

— Не как врач, — поспешно добавил я, видя, как она собирается возразить. Как ее губы уже складываются в язвительную усмешку. — У меня нет лицензии на психотерапию, и я не буду лечить тебя кушеткой и вопросами про родителей. Никаких *«расскажите о своем детстве»* и *«что вы чувствуете по этому поводу»*. Я буду как...

Я запнулся, подбирая слово, которое не спугнуло бы ее. Не «врач». Не «психолог». Не «спаситель» — она ненавидела, когда ее спасали.

— Как наставник, тренер или проводник. — Я перебирал слова, как инструменты на стерильном столе, и ни одно не подходило. — Не знаю, как это назвать, хотя название не важно. Важно то, что я буду рядом. Не потому, что мне платят или это моя работа. Просто потому, что я не могу иначе.

Она молчала, и я продолжил, понимая, что обратного пути уже нет. Слова лились сами, я даже не успевал их обдумывать — они шли откуда-то изнутри, из того места, где я прятал свою собственную боль все эти годы.

— Я не обещаю, что это сработает и не обещаю, что будет легко — легко не будет вообще. Будет больно, страшно, захочется все бросить и послать меня куда подальше. Я знаю этот путь — я проходил его сам. Но я знаю, как работает страх. Знаю, как он парализует, как сжимает горло, как высасывает воздух из легких. Знаю, как он может заставить ноги стать ватными, а мысли — липкими и вязкими, как отработанное масло.

Я сделал паузу, глядя ей прямо в глаза.

— И я знаю, как его можно обмануть. Не победить — победить страх нельзя, ведь он остается с тобой, как шрам или титановый штифт в кости. Он станет тише, глуше, привычнее, но не исчезнет. Но обмануть его, сделать так, чтобы он сидел тихо и не мешал жить, — можно. Заставить его работать на тебя, а не против тебя. Превратить из врага в... в топливо. То самое, которое ты «сжигала в моторе». Помнишь?

Я перевел дыхание. Сердце колотилось где-то в горле, как

в старые добрые времена, когда я сидел на пит-уолле, смотрел на телеметрию и понимал, что Саша входит в поворот слишком быстро. Когда от моего голоса в наушниках зависело, выйдет ли он из этого поворота живым.

— Я предлагаю тебе попробовать.

Регина молчала. Смотрела на меня — изучающе, недоверчиво, но уже без той колючей враждебности, с которой пришла. Я видел, как в ее глазах идет борьба. Страх боролся с надеждой. Гордость — с отчаянием. Та, прежняя Регина, которая никогда не просила помощи, — с той, нынешней, которая пришла ко мне через весь город, потому что больше не к кому.

— Это неофициально, — добавил я, потому что она должна была знать все риски. — Бесплатно. Никаких записей в карте или отчетов, никаких свидетелей. И, возможно, абсолютно глупо. С моей стороны — профессиональное самоубийство, если кто-то узнает. Физиотерапевт, который лезет в психотерапию без лицензии, без подготовки, без всего. С твоей — ставка на человека без квалификации, который понятия не имеет, что делает, и действует по наитию.

Я сделал глубокий вдох.

— Но другого плана у меня нет... А у тебя?

Регина моргнула. Один раз. Второй. В ее глазах действительно мелькнуло что-то живое — первое за весь этот долгий, тягостный разговор. Искра. Маленькая, слабая, едва теплящаяся, но настоящая. Та самая, которую я видел в ней

все полтора года реабилитации — когда она, стиснув зубы, делала «еще пять» и смотрела на меня с вызовом: «*Видишь? Я сильнее, чем ты думаешь*».

— Что именно ты предлагаешь? — спросила она сдавленно, будто голос проталкивала через силу. Будто каждое слово давалось с болью.

— Я предлагаю тебе довериться мне, — ответил я просто. — Полностью, без недоговорок и попыток контроля. Без «я сама» и «я справлюсь». Ты уже пробовала «сама», но в итоге, как я погляжу, ты пришла сюда. Теперь попробуем иначе.

Я чуть подался вперед, сокращая расстояние между нами.

— Мы начнем с того, что даже отдаленно не будет напоминать гоночный трек. Никаких автодромов и боксов. Мы пойдем туда, где нет давления, секундомеров, команды, отца и спонсоров. Где никто не ждет от тебя рекордов и побед. Только ты, я и твой страх. Будем делать маленькие шаги. Сначала просто дышать. Потом — смотреть на то, что пугает. Потом — приближаться. Потом — трогать. И так, шаг за шагом, миллиметр за миллиметром, пока ты не будешь готова сделать следующий шаг сама.

Я замолчал: слова кончились. Дальше было только ее решение.

Пауза длилась целую вечность. Секунды тянулись, растягиваясь в бесконечность, как круги на мокрой трассе. Я слышал, как гудит старый кондиционер за окном — монотонно, усыпляюще. Как где-то в коридоре катят каталку — коле-

са поскрипывают на стыках линолеума. Как стучит моя собственная кровь в висках — часто, гулко, тревожно.

Я уже мысленно готовился к отказу. К вежливому «*спасибо, я подумаю*». К холодному «*это бред, Дэн, ты сам понимаешь*». К тому, что она встанет и уйдет, оставив меня одного с моим дурацким, непрошеным геройством. С моим сердцем, которое я только что выложил на стол, даже не заметив.

Я представлял, как она уходит — по коридору, мимо медсестры Марьям с ее понимающим взглядом, мимо пациентов, которые учатся заново жить. Как садится в такси и едет домой, в свой пустой дом. Как ложится в кровать смотрит в потолок и страх снова душит ее — липкий, вязкий, бесконечный.

Но Регина Кейган, моя Регина, всегда умела удивлять.

Она кивнула. Коротко и решительно. Так, как кивала, наверное, когда соглашалась на рискованный обгон по внешнему радиусу на мокрой трассе в Спа-Франкоршам. Так, как кивала, когда впервые встала с ходунками и сделала свой первый самостоятельный шаг. Так, как кивала, когда я говорил: «*Еще пять*», — и она делала семь.

— Я согласна, — сказала она тихо.

Но в этом «согласна» было больше стали, чем во всех ее победных речах с подиума. Больше решимости, чем в том моменте, когда она, тринадцатилетняя, сказала отцу: «*Я буду гонимой*». Больше доверия, чем она дарила кому-либо за всю свою жизнь.

— Что мне делать?

Я выдохнул. Тот самый выдох, который, кажется, сдерживал весь разговор — с того самого момента, как она вошла в холл и я увидел ее лицо. Адреналин ударил в кровь — знакомый, будоражащий, пьянящий. Тот самый, что я ловил на трассе, когда от моих решений зависела жизнь пилота. Когда я говорил в микрофон: *«Тормози позже на три метра»*, — и знал, что если я ошибся, то...

Нет, я не буду об этом думать. Сейчас — не об этом.

— Для начала — ничего, — улыбнулся я одними уголками губ. — Отдыхай. Поешь нормально — ты опять похудела, я вижу. Поспи без снотворного и таблеток. Просто ляжешь и закроешь глаза. А завтра утром...

Я посмотрел на часы. Стрелки показывали начало восьмого вечера. За окном уже было темно, а фонари зажигались вдоль больничного парка.

— Точнее, уже сегодня, — поправился я. — Я возьму отпуск за свой счет. На сколько понадобится — на неделю, на месяц или больше. И мы начнем.

Я встал, чувствуя, как слегка подрагивают колени — то ли от напряжения, то ли от осознания того, во что я только что ввязался. В голове проносились обрывки мыслей: *«Что я творю?»*, *«Это безумие»*, *«Если кто-то узнает — конец карьере»*. Но я отмахнулся от них, как от назойливых мух.

Регина поднялась следом. Стояла напротив — маленькая, хрупкая, растерянная. Но в глазах уже не было той мертвой

пустоты, с которой она вошла в этот кабинет около часа назад. Там что-то теплилось. Что-то живое. Что-то, ради чего стоило рисковать.

— Спасибо, — сказала она тихо. — За то, что не отказался. За то, что...

Она не договорила. Просто смотрела на меня — и в этом взгляде было больше слов, чем она могла произнести вслух.

— Пока не за что благодарить, — ответил я. — Спасибо скажешь, когда сядешь за руль и выиграешь свою первую гонку после возвращения.

Она чуть улыбнулась — слабо, неуверенно, но улыбнулась. И от этой улыбки у меня внутри что-то перевернулось.

— Я вызову тебе такси, — сказал я, беря телефон. — Доедешь до дома, поешь, ляжешь спать. Завтра в десять утра будь готова. Я заеду за тобой.

— Куда поедем? — спросила она.

— Пока не скажу, — честно ответил я. — Куда-нибудь, где нет машин. Где тихо и можно просто дышать.

Она кивнула. Взяла сумку, которую бросила у двери. Направилась к выходу, но у порога обернулась.

— Дэн.

— Да?

— Ты правда веришь, что у нас получится?

Я посмотрел на нее — на эту дерзкую, сломленную, невероятную сильную девчонку, которая ворвалась в мою жизнь и перевернула все вверх дном. Которая заставила меня снова

чувствовать — после стольких лет пустоты. Которая доверилась мне, когда больше не доверяла никому.

— Я знаю, — ответил я. — Не верю, а знаю.

Она ушла. Дверь закрылась с тихим щелчком. Я остался один в своем маленьком кабинете, среди плакатов о здоровом образе жизни и стопок медицинских карт.

Первый кирпичик был заложен.

Я сел за стол, открыл ящик, достал старую фотографию — ту самую, где мы с Сашей стоим в боксах после первого подиума.

— Ну что, Саша, — сказал я в пустоту кабинета. — Кажется, я снова в игре. Только теперь ставки выше. И если я облажаюсь... она не просто не встанет: она потеряет себя навсегда.

Фотография молчала. Саша улыбался — вечно молодой, вечно счастливый и вечно показывающий два пальца в объектив. Я убрал фотографию в ящик и закрыл его. Встал, поправив халат, и вышел в коридор.

Надо было написать заявление на отпуск. И придумать, с чего начать завтрашний день. С чего начать путь, который вернет ее к жизни — или окончательно добьет.

Но об этом я подумаю завтра. А сегодня... сегодня я впервые за долгое время чувствовал не пустоту. Сегодня я чувствовал, что живу.

Глава 5. Другой континент (Регина).

Дэн позвонил ровно в девять — как по расписанию, как будильник. Я уже не спала. Я вообще почти не спала эту ночь — ворочалась с боку на бок, сбивала одеяло, смотрела в белый потолок и прокручивала в голове его слова: «Я знаю, как работает страх», «Я предлагаю тебе довериться мне», «Завтра в десять утра будь готова».

— Слушай меня внимательно, — сказал он сухо, без предисловий, без «*доброе утро*», без «*как спалось*». Голос был ровный, как в те времена, когда он читал мне программу тренировок. — Ты сейчас собираешь вещи. Только самое необходимое на две недели. Легкую одежду — хлопок, лен, ничего синтетического. Обязательно длинные кофты и брюки. Головной убор — панаму или кепку. Крем от загара с максимальным фактором. Обувь закрытую, чтобы песок не набивался. И не забудь паспорт: мы улетаем.

Я села на кровати, пытаюсь осознать услышанное. Улетаем? Куда? На две недели? Я думала, мы поедем на какой-нибудь пустырь за городом. Посидим в машине час-другой, я поплачу, он скажет «*еще пять вдохов*», и мы вернемся. Я не готова была к «*улетаем на две недели*».

— Дэн, я не... Я не могу просто взять и улететь. У ме-

ня обязательства. Команда, спонсоры и отец звонит каждый день. Я должна быть на связи, должна...

— Никому ты ничего не должна, — перебил он спокойно, но твердо. — Особенно сейчас. Ты должна только себе. И ты сама вчера сказала, что не знаешь, кто ты без гонок. Я предлагаю тебе это выяснить. Там, где никто не будет ждать от тебя побед, рекордов и «прежней Регины». Там, где вообще никого не будет. Только ты, я и пустыня.

Пустыня... Слово упало в трубку и зависло в утренней тишине моей спальни. Пустыня. Песок, жара и бескрайнее пространство, где не спрятаться от себя. Я закрыла глаза и попыталась представить. Не получилось — мой мозг, привыкший к трассам, поворотам и телеметрии, не знал, как выглядит пустыня.

— Алжир, — сказал Дэн, будто отвечая на мой невысказанный вопрос. — Мы летим в Алжир, если тебе очень интересно. Там есть места, где никто не найдет. Где ты сможешь бояться в полную силу, не оглядываясь на чужие взгляды. Где твой страх будет только твоим... И моим, если ты позволишь. Я уже взял билеты. Вылет сегодня вечером. Регина, я знаю, это звучит безумно, но другого плана у меня нет. А у тебя?

Я молчала. Смотрела на белый потолок без трещин и молчала. У меня не было плана. У меня была паника, бессонница, ПТСР и полное непонимание, как жить дальше. И был человек, который предлагал мне не лечение, а побег. Не те-

рапию, а путешествие. Не кушетку психолога, а пустыню.

— Во сколько вылет? — спросила я хрипло.

— В 19:40. Я заеду за тобой в три. У тебя есть время собраться и... придумать легенду для отца. Скажи, что едешь на ретрит по йоге или в оздоровительный центр. Что угодно, только не правду: правду они не поймут.

Он отключился, не дав мне возможности возразить. И правильно сделал. Если бы он дал мне время на раздумья, если бы я начала смотреть карты, отзывы, прогноз погоды, если бы мой мозг получил хоть малейшую зацепку для анализа и сомнений — я бы просто не вышла из дома. Забилась бы в угол кровати, накрылась пледом с головой и сделала вид, что меня нет. Что я не слышала звонка и не давала согласия на это безумие.

Еще минут десять я сидела на кровати, глядя в стену. Потом встала, достала из шкафа спортивную сумку, с которой когда-то ездила на гонки, и начала собираться. Легкие льняные рубашки, которые я не носила сто лет. Шорты. Панама, купленная когда-то для средиземноморского отпуска, который так и не случился. Крем от загара. Паспорт. Я действовала на автомате, запрещая себе думать. Потому что если я начну думать — я не выйду из квартиры.

Я надела старые джинсы — те, в которых когда-то возилась в гараже отца, перебирая карбюратор старой Renault, чтобы понимать строение. Легкая кофта с длинными рукавами. Кеды, которые помнили еще те времена, когда я могла

позволить себе гулять по городу инкогнито — без пресс-атташе и риска быть узнанной на каждом углу.

Отец позвонил, когда я уже сидела у двери с сумкой в руке. Я посмотрела на экран телефона, на фамилию «Кейган», набрала в грудь побольше воздуха и ответила.

— Пап, привет. Слушай, я уезжаю. На две недели. Ретрит: йога, медитации и детокс. Мне нужно... перезагрузиться. Я буду без связи. Не волнуйся.

В трубке повисла пауза. Я слышала, как он затягивается сигаретой. Выдох.

— Йога? — переспросил он с таким скепсисом, что я чуть не рассмеялась. — Ты и йога?

— Пап, ну а что мне еще делать? Я не могу сесть в машину, ты же знаешь. Дай мне две недели. Просто две недели тишины.

Он помолчал еще. Я слышала, как в его гараже работает подъемник — знакомый, родной звук, от которого защемило сердце.

— Ладно, — сказал он наконец. — Езжай... Только возвращайся. Слышишь? Возвращайся.

— Вернусь, — пообещала я и повесила трубку, не дав себе времени на слезы.

В зеркало на себя не смотрела. Знала, что увижу. Бледное, заострившееся лицо с темными кругами под глазами. Бессонная ночь дала о себе знать: я перебирала в голове его слова, его предложение, его «я знаю, как можно обмануть

страх». Прокручивала наш разговор снова и снова, как заевшую пленку, пытаясь найти подвох, скрытый смысл, причину не верить.

И где-то глубоко внутри, под слоями страха и недоверия, теплилась мысль: «*А вдруг? Вдруг у него получится? Вдруг у меня получится?*».

В аэропорту Женевы я чувствовала себя беглянкой. Шла за Дэном, стараясь не отставать, пряча лицо за солнцезащитными очками и капюшоном кофты. Не то чтобы меня кто-то искал — кому я теперь нужна, списанная гонщица без команды? — но привычка прятаться от чужих глаз въелась в подкорку за время гонок и реабилитации. Он шагал широко, уверенно, с рюкзаком на плечах и потертым тканевым чехлом для ноутбука под мышкой. Как человек, который точно знает, куда и зачем летит.

Я же не знала ничего...

— Дэн! — догнала я его у стойки регистрации, тяжело дыша от быстрой ходьбы. Три месяца назад я бы не догнала вообще — просто рухнула бы где-нибудь на полпути. А сейчас догнала: уже победа. — Вот объясни мне, что мы забыли в Алжире? Там же ничего нет! Пустыня, пески и жара под тридцать градусов, и то — зимой. Я читала, там нет нормальных дорог — только направления. Дэн, это звучит как название фильма ужасов! «*Направления смерти*» или «*Поворот не туда*»...

Он повернулся ко мне, и я увидела в его глазах что-то но-

вое. Не врачебную собранность, к которой привыкла за месяцы в центре. Не спокойную уверенность физиотерапевта, который точно знает, сколько повторений нужно сделать и когда добавить нагрузку. Азарт. Тихий, спрятанный глубоко, но самый настоящий азарт. Тот самый, с которым он, наверное, когда-то — в другой жизни, до краха карьеры — смотрел на телеметрию машин перед гонкой. Тот самый, который я думала, он похоронил вместе со своим прошлым.

В груди что-то екнуло. Я слишком хорошо знала этот блеск в глазах. Сама когда-то смотрела так на стартовую решетку.

— Именно поэтому мы туда и летим, — ответил он. — Потому что там нет твоих триггеров. Ни одного. Вообще.

Он начал загибать пальцы — методично, как перечислял упражнения в центре, когда расписывал мне программу на день:

— Там нет автодромов — ни одного на тысячу километров вокруг. Я сам проверял. Там нет асфальта в твоём понимании — только песок, камни и спрессованная глина. Там нет боксов, механиков и секундомеров. Там нет рева гоночных моторов — только ветер. Там нет запаха жженой резины и высокооктанового топлива — только сухой воздух пустыни и пыль. Там нет команды, отца, спонсоров и журналистов. Нет тех, кто ждет, что ты станешь прежней.

Он замолчал, давая мне переварить. Я смотрела на его пальцы — три загнутых, четыре, пять. Вся моя жизнь, все

мои страхи, все, от чего я бежала последние месяцы, уместилось в пять пунктов на его ладони.

— Там есть только ты, я и пара старых внедорожников, которые даже отдаленно не напоминают гоночный болид. Они пахнут соляжкой, а не бензином. Они рычат, как тракторы, а не как звери. И они не для гонок. Они для жизни. Чтобы добраться от точки А до точки Б по песку. Мы будем учиться заново не скорости, Регина. Мы будем учиться самому простому — просто находиться в машине и не бояться.

Я смотрела на него и молчала. Потому что впервые за долгое время кто-то не пытался меня «починить» так, как было удобно всем остальным. Врачи предлагали симуляторы — стерильные, безопасные, с минимальными нагрузками, *«чтобы привыкать постепенно, под контролем»*. Отец предлагал пустой автодром рано утром — *«тихо, никого нет, асфальт ровный, как стол»*. Спонсоры — бывшие, разумеется, — просто исчезли, как только поняли, что от меня больше не пахнет деньгами и победами.

А Дэн придумал третье решение. Не возвращаться туда, где все напоминает об аварии. Не пытаться воссоздать те же условия и *«преодолеть страх в лоб»*. Просто уехать туда, где у моего страха нет ни одной зацепки. Где все — другое, чужое и незнакомое. Где мой мозг, мой травмированный, предательский мозг, не сможет связать эту реальность с той, прошлой. Просто потому что связи просто не будет.

Ни одной. Вообще...

— Ты сумасшедший, — сказала я тихо.

— Знаю, — он улыбнулся краешком губ. — Поэтому у нас и получится. Потому что ты такая же.

Самолет компании Air Algérie вылетел из Женевы ровно по расписанию. Я смотрела в иллюминатор на проплывающие внизу Альпы — заснеженные пики, уходящие в облака, — и пыталась осознать, что вообще происходит. Еще вчера я сидела дома, собирала осколки разбитого стакана и думала, что моя жизнь кончена. А сегодня лечу в Алжир с человеком, которого знаю полтора года, но который, кажется, понимает меня лучше, чем кто-либо за всю мою жизнь.

Мы сидели в бизнес-классе. Я не спрашивала, откуда у него деньги на бизнес-класс. Он — физиотерапевт в реабилитационном центре, пусть и хороший, пусть и востребованный, но зарплата у таких специалистов вряд ли подразумевает спонтанных перелетов в Алжир в бизнес-классе. Да и аренда внедорожника в пустыне — это не прокат велосипедов в парке. Я помнила расценки на технику по ралли-рейдам, которые когда-то видела у спонсоров: даже старенький подготовленный Hyundai стоит серьезных денег за день. А он говорил о внедорожнике и о каком-то лагере.

Мысль об этом царапала меня изнутри, не давала покоя. Дэн никогда не говорил о деньгах. Никогда не жаловался, не упоминал, дорого ему что-то или дешево. Но я слишком хорошо знала цену вещам. Я сама платила за свою карьеру — потом, кровью и деньгами. Я знала, сколько стоит час на

симуляторе, сколько стоит аренда трека, сколько берут механики за настройку машины. И я примерно представляла, сколько может стоять экспедиция в Алжир с машинами и снаряжением.

Я повернулась к Дэну. Он смотрел в иллюминатор — Альпы давно сменились морем, а потом и североафриканским побережьем, — и о чем-то думал. Его профиль был спокойным, сосредоточенным, как всегда. Легкая небритость на скулах, которую он, кажется, отпустил специально для этой поездки — в центре он всегда был чисто выбрит. Тонкие пальцы левой руки лежали на подлокотнике, большой палец едва заметно постукивал по пластику в каком-то своем ритме. Привычка. У меня тоже есть такие — незаметные для других, но въевшиеся в подкорку.

— Дэн, — позвала я.

— Мм? — он не повернул головы, продолжая смотреть в иллюминатор.

— Я хотела спросить... Сколько ты потратил на это все?

Он медленно повернулся ко мне. В его глазах мелькнуло что-то — не раздражение, не удивление. Скорее, легкая досада, как у человека, которого застали за чем-то, что он не планировал обсуждать.

— Это единственное, что тебя беспокоит?

— Нет, — я покачала головой. — Но все же...

Он вздохнул, откинулся в кресле и сцепил руки на животе. Этот жест я знала: он так делал, когда пациент задавал

вопрос, на который у него не было заготовленного ответа.

— Ну вот тогда и не думай.

— Дэн.

— Регина.

Мы смотрели друг на друга — два упрянца, которые привыкли стоять на своем. Я не собиралась сдаваться. Он, судя по всему, тоже.

— Это не твоя забота, — сказал он наконец. — Твоя забота — восстановиться. Все остальное — моя часть работы.

— Моя часть работы? — я повысила бровь. — Я думала, твоя работа закончилась в день моей выписки. Ты больше не мой физиотерапевт, Спирс. У тебя нет передо мной обязательств. Никаких. Ты не должен тратить на меня свои деньги.

Он помолчал, глядя куда-то поверх моей головы. Потом сказал — тихо, медленно, будто взвешивая каждое слово:

— Помнишь, ты спросила меня в палате, сколько твоя команда заплатила за клинику? Сказала, что я со своей зарплатой буду копить до пенсии, чтобы позволить себе месяц в такой.

Я помнила. Конечно, помнила. Я тогда была в ярости, в боли, в отчаянии — и вылила все это на него, на первого встречного, который посмел войти без стука. Мне до сих пор было стыдно за тот разговор.

— Ну и?

— Я не коплю на клинику, Регина. Мне она не нужна. А деньги... — он сделал паузу, подбирая слова, — деньги —

это просто ресурс. Как бензин, вода или время. Ты тратишь их на то, что считаешь важным. Я считаю важным вернуть тебя за руль. Это не благотворительность, если ты вдруг подумала: это инвестиция.

— Инвестиция? — я недоверчиво хмыкнула. — Во что? В списанную гонщицу с паническими атаками?

— В человека, который вновь станет чемпионкой, — сказал он ровно, без всякого пафоса, будто констатировал погоду за окном. — И когда ты выиграешь свой первый Гран-при после возвращения, ты вернешь мне все до сантима. Я не тороплюсь. Проценты набегают, кстати.

Я закатила глаза, но внутри что-то дрогнуло. Он сказал «когда», не «если». Он всегда говорит «когда». С первого дня, с первой минуты в моей палате. Не «если ты встанешь», а «когда ты встанешь». Не «если ты пойдешь», а «когда ты пойдешь». Не «если вернешься за руль», а «когда выиграешь Гран-при». Как будто альтернативы просто не существует.

— Ты не ответил на вопрос, — напомнила я. — Сколько?

Он вздохнул и на мгновение прикрыл глаза. Я знала этот вздох — так вздыхал мой гоночный инженер, когда я в двадцатый раз спрашивала, почему мы не можем добавить еще пять лошадиных сил в мотор.

— Билеты — туда и обратно, бизнес-класс, потому что в экономе ты бы психанула от тесноты и шума, — начал он перечислять, загибая пальцы точь-в-точь как у стойки регистрации. — Примерно три с половиной тысячи франков

за обоих. Аренда подготовленного внедорожника с усиленной подвеской, дополнительными баками и навигацией, — на две недели, с полным техобслуживанием и страховкой: около четырех тысяч. Снаряжение для лагеря — палатки, спальники, газовые горелки, запас воды и еды на все время: еще около тысячи. И плюс непредвиденные расходы — топливо, разрешения на въезд в национальные парки, взятки местным чиновникам... Если потребуются.

Он замолчал и посмотрел на меня.

— В сумме — около десяти тысяч франков. Плюс-минус. Это чуть меньше трети моих сбережений, если тебя это так волнует.

Я открыла рот, чтобы сказать, что это безумие, что он не должен, что я не могу принять такую жертву от практически постороннего человека, но он поднял руку, останавливая меня.

— Прежде чем ты начнешь спорить и предлагать вернуть деньги прямо сейчас, подумай вот о чем, — сказал он. — Когда я в детстве влетел в стену на автодроме в Лугано и врачи сказали, что с моим коленом я могу забыть о профессиональном спорте, рядом со мной не было никого, кто сказал бы: *«Мы найдем другой путь»*. Мой тренер исчез. Отец сказал: *«Ну что ж, займешься чем-нибудь нормальным»*. Я прошел через все это один, от начала до конца. И я пообещал себе, что если когда-нибудь увижу такого же разбитого гонщика, как я, — я не дам ему пройти через это в одиночку.

Он повернулся ко мне всем корпусом, и я вдруг поняла, что никогда не видела его таким. Не спокойным, не собранным, не ироничным. Открытым. Уязвимым. Настоящим.

— Ты — это я в десять лет, Регина. Только у тебя еще есть шанс. У меня его уже не было, а у тебя есть. И я не позволю тебе его упустить. Не из-за денег, страха или того, что кто-то вовремя не подставил плечо.

Я молчала. В горле стоял комок размером с теннисный мяч. Я — Регина Кейган, которая никогда не плачет на людях, которая орет, хамит и посылает, но не показывает слабость, — сидела и не могла выдать из себя ни слова. Потому что за всю мою жизнь, за все мои победы и поражения, за все контракты и спонсорские соглашения, никто и никогда не говорил мне ничего подобного. Никто не ставил мое возвращение выше собственных сбережений. Никто не видел во мне себя самого — разбитого, но не сломленного.

— Дэн... — начала я, и голос предательски дрогнул.

— Не надо, — он поднял ладонь. — Никаких «спасибо» и «я твоя должница». Просто сделай свою работу: вернись за руль и пройди свой первый поворот на пределе. Это все, что мне нужно. Это и будет твоя благодарность.

Я закрыла рот и посмотрела в иллюминатор. Под крылом самолета проплывали бесконечные пески Сахары — золотистые, рыжие, охряные, с редкими прожилками пересохших русел рек. Где-то там, внизу, нас ждала пустыня, два старых внедорожника и новая попытка собрать себя заново.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.